



КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

*АРХЕТИПЫ И КОЛЛЕКТИВНОЕ
БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

*АРХЕТИПЫ И КОЛЛЕКТИВНОЕ
БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ*





Архетипы коллективного бессознательного¹

¹ [Впервые очерк опубликован в 1934 г. в журнале *Eranos-Jahrbuch*. В переработанном виде вошел в сборник *Von den Wurzeln des Bewusstseins* (Цюрих, 1954).]

АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

¹ Гипотеза о коллективном бессознательном принадлежит к классу тех научных идей, которые поначалу кажутся странными, но быстро превращаются в хорошо известные и привычные концепции. Именно это произошло с понятием бессознательного в целом. Так, философская идея бессознательного, преимущественно сформулированная Карусом и фон Гартманом, сперва бесследно исчезла, захлестнутая волной моды на материализм и эмпиризм, а затем вновь появилась, но уже в области медицинской психологии.

² Изначально предполагалось, что содержание бессознательного включает лишь вытесненные или забытые элементы. Даже у Фрейда, который рассматривает бессознательное — по

крайней мере метафорически — в качестве действующего субъекта, оно, по сути, остается не чем иным, как скоплением забытых и вытесненных содержаний, что и обуславливает его функциональную значимость. С этой точки зрения бессознательное носит исключительно личный характер¹, хотя даже Фрейд признавал наличие в нем архаических и мифологических мыслеформ.

³ Более или менее поверхностный слой бессознательного, несомненно, является личным. Я называю его *личным бессознательным*. Однако личное бессознательное покоится на другом, более глубинном слое, который формируется отнюдь не из личного опыта. Этот врожденный глубинный слой я называю *коллективным бессознательным*. Я выбрал термин «коллективный», ибо эта часть бессознательного имеет не индивидуальную, а всеобщую природу; в противоположность личной составляющей психики, она включает содержания и модели поведения, которые встречаются повсюду и у всех индивидов. Другими словами, коллективное бессознательное одинаково у всех людей, обра-

¹ В более поздних работах Фрейд разграничивает инстинктивную составляющую психики «ид» и коллективное сознание «супер-эго», в рамках которого индивидуальное носит частично сознательный и частично бессознательный характер (так как подавляется).

зую тем самым универсальный психический субстрат сверхличной природы, который присутствует в каждом из нас.

- 4 О психической жизни человека можно судить лишь по тем ее элементам, которые способны *проникнуть в сознание*. Следовательно, мы можем говорить о бессознательном лишь в той мере, в какой можем продемонстрировать его содержание. Содержание личного бессознательного главным образом составляют так называемые *эмоционально окрашенные комплексы*, образующие личную и интимную стороны психической жизни. Содержание коллективного бессознательного, напротив, представлено так называемыми *архетипами*.

- 5 Термин «архетип» встречается уже у Филона Александрийского¹ в контексте *Imago Dei* (образа Божьего) в человеке. Также его можно обнаружить у Иринея Лионского: «...мироиздатель сотворил их не от самого себя, но заимствовал из чужих первообразов»². В *Corpus*

¹ *De opificio mundi*, I, § 69. [Перевод на рус. яз. см.: Филон Александрийский. *О сотворении мира согласно Моисею*. — Примеч. пер.]

² *Adversus haereses*, кн. II, гл. 7, абз. 5: «Mundi fabricator non a semetipso fecit haec, sed de alienis archetypis transtulit». [Перевод на рус. яз. см.: Ириней Лионский. *Против ересей*. — Примеч. пер.]

*Hermeticum*¹ Бог представлен как τὸ ἀρχέτυπον φῶς (архетипический свет). Понятие архетипа несколько раз встречается у Дионисия Ареопажита, например в его сочинении «De caelesti hierarchia» (II, 4; «нематериальные архетипы»²) и в сочинении «De divinis nominibus» (I, 6; «архетипический камень»³). Хотя Блаженный Августин само слово «архетип» не употребляет, в своем трактате «De diversis quaestionibus LXXXIII» он говорит об *ideae principales*, которые представляют собой «некие первичные формы или замыслы вещей... сами не получившие форму... и заключены они в Божественном разумении»⁴. «Архетип» — объяснительная парафраза платоновского εἶδος. Для

¹ Scott, *Hermetica*, I, стр. 140.

² Migne, *P.G.*, vol. 3, col. 144.

³ Там же, col. 595. См.: *The Divine Names* (пер. Rolt), стр. 62, 72.

⁴ Migne, *P.L.*, vol. 40, col. 30. В аналогичном смысле термин «архетип» использовался алхимиками, например в «Tractatus aureus» Гермеса Трисмегиста (*Theatrum chemicum*, IV, 1613, стр. 718): «Как Бог [хранит] все сокровища своего божественного разума... в себе как в сокровенном архетипе [*in se tanquam archetypo absconditum*]... так и Сатурн скрывает в себе подобия металлических тел». В «Tractatus de igne et sale» Вигенеруса (*Theatr. chem.*, VI, 1661, стр. 3) говорится, что мир «ad archetypi sui similitudinem factus» (сотворен по подобию своего архетипа), а потому называется «magnus homo» («homo maximus» Сведенборга).

наших целей использование термина «архетип» в высшей степени уместно и целесообразно: он подразумевает, что, говоря о содержании коллективного бессознательного, мы имеем в виду древнейшие или, лучше сказать, первозданные элементы этого содержания, то есть универсальные образы, существующие с незапамятных времен. К содержанию бессознательного равно применим и термин «*représentations collectives*» (*фр.* — «коллективные представления»), предложенный Леви-Брюлем для обозначения символических фигур в первобытном представлении о мире и подразумевающий практически то же самое. Примитивные родоплеменные знания тесно связаны с архетипами, видоизмененными особым образом. Это уже не элементы бессознательного; они превратились в осознаваемые формулы, которые по традиции передаются в виде тайных учений. Последние представляют собой типичное средство выражения коллективных содержаний, берущих начало в бессознательном.

- ⁶ Другим распространенным выражением архетипов являются мифы и сказки. Впрочем, и здесь мы имеем дело со специфическими формами, которые передавались от поколения к поколению достаточно длительный период

времени. Таким образом, термин «архетип» применим к «représentations collectives» лишь косвенно, ибо обозначает только те элементы психического содержания, которые еще не подверглись какой-либо сознательной обработке и, следовательно, представляют собой непосредственную психическую данность. В этом смысле архетип как таковой существенно отличается от формул, возникших в ходе исторического развития. В частности, на высших уровнях тайных учений форма, в которой предстают архетипы, свидетельствует о решающем влиянии их сознательной переработки. Непосредственные манифестации архетипов, с которыми мы сталкиваемся в сновидениях и видениях, более индивидуальны, менее понятны и более наивны, чем, например, в мифах. Это происходит потому, что архетип — а именно бессознательное содержание, которое изменяется в результате осознания и восприятия, — приобретает особый оттенок под влиянием того индивидуального сознания, в котором возникает¹.

¹ Необходимо различать «архетип» и «архетипические идеи». Архетип как таковой представляет собой гипотетическую, недоступную представлению модель, схожую с «паттерном поведения» в биологии. См.: *О природе психе*, разд. 7.

Если формальное значение слова «архетип» явственно проступает в его связях с мифом, тайным учением, сказкой, то установить, что такое архетип с *психологической* точки зрения, гораздо сложнее. До сих пор мифологи опирались на солярные, лунарные, метеорологические и другие подобные представления. При этом никто не обращал внимания на то, что мифы — это прежде всего психические явления, обнажающие естество нашей души. Первобытный человек не склонен к объективному описанию очевидного, однако испытывает настоятельную потребность — точнее, его бессознательному свойственно непреодолимое стремление — уподобить весь внешний опыт внутренним, психическим событиям. Ему недостаточно просто видеть, как встает и заходит солнце, — эти внешние наблюдения должны стать психическими событиями, то есть движение солнца должно представлять судьбу бога или героя, обитающего, по сути, в самой человеческой душе. Все мифологизированные естественные процессы, такие как лето и зима, фазы луны, сезоны дождей и так далее, есть не столько аллегория¹ объективных явлений,

¹ Аллегория — перефразирование осознаваемого содержания; символ — наилучшее возможное выражение неосознаваемого содержания, о природе которого можно только догадываться, ибо оно еще не известно.

сколько символические выражения внутренней бессознательной драмы, доступной человеческому сознанию через проекцию, то есть отражение в явлениях природы. Такая проекция носит столь фундаментальный характер, что потребовалось несколько тысяч лет, чтобы хоть как-то отделить ее от внешнего объекта. Так, астрологию, эту древнейшую «scientia intuitiva», объявили лженаукой, ибо ее сторонники ставили психологическое описание характера в зависимость от звезд. Этот предрасудок жив и по сей день. Тем не менее каждый, кто способен исчислить гороскоп, должен знать, что со времен Гиппарха Александрийского точкой весеннего равноденствия считается 0° Овна. Следовательно, знаки зодиака, на которых основывается любой гороскоп, весьма произвольны, поскольку с тех пор эта точка сместилась в силу прецессии к началу Рыб.

- ⁸ Учитывая поразительную субъективность первобытного человека, нам давным-давно следовало догадаться, что мифы относятся к сфере психического. Его знания природы по сути представляют собой язык и внешние проявления бессознательного психического процесса. Именно в силу этой бессознательности при толковании мифов человек обращался

к чему угодно, но только не к психическому. Он просто не знал, что психика содержит в себе все те образы, которые дали начало мифам, и что наше бессознательное является одновременно действующим и претерпевающим действия субъектом, внутреннюю драму которого первобытный человек по аналогии обнаруживал в природных явлениях — как больших, так и малых¹.

- ⁹ «В твоей груди, и только в ней, заключены все звезды твоей судьбы»², — говорит Илло Валленштейну. Пожалуй, это изречение могло бы удовлетворить всех астрологов, если бы мы хоть немного знали о тайнах сердца. К несчастью, до сих пор наши знания этого предмета были крайне ограничены. Я даже не решусь утверждать, что сегодня ситуация изменилась в лучшую сторону.

- ¹⁰ Родоплеменные знания всегда священны и опасны. Все тайные учения стремятся постичь невидимые психические события, и все

¹ См. мои очерки о божественном ребенке и Коре, включенные в полное издание, а также сопутствующие эссе Кереньи в сборнике *Einführung in das Wesen der Mythologie*.

² [Шиллер Ф. Пикколомини. II, 6. — Здесь и далее приводятся примечания редактора к изданию на немецком языке.]

они претендуют на высший авторитет. Еще в большей степени это справедливо по отношению к господствующим мировым религиям. Они содержат изначально сокровенное знание и представляют тайны души с помощью величественных образов. Их храмы и священные писания провозглашают в образе и слове освященную древностью доктрину, делая ее таким образом доступной каждому верующему сердцу, каждому чуткому глазу, каждому, даже самому дальнему, уголку человеческого разума. На самом деле мы вынуждены признать, что чем прекраснее, величественнее, полнее этот передаваемый традицией образ, тем дальше он от индивидуальных переживаний. Мы можем лишь ощупью найти путь к нему, что-то почувствовать, но изначальный опыт давно утрачен.

- ¹¹ Почему психология является самой молодой из эмпирических наук? Почему бессознательное не было уже давно открыто, а его сокровищница вечных образов — поднята на поверхность? Именно потому, что для всего психического мы имели религиозную формулу, причем намного более стройную и всеохватывающую, нежели непосредственный опыт. Хотя для многих христианское видение мира поблекло, сокровищницы символов Востока

по-прежнему полны чудес, которые еще долго смогут питать нашу страсть к зрелищам и новым нарядам. Кроме того, эти образы — будь они христианскими, буддистскими или еще какими-нибудь — красивы, таинственны, интуитивны. Конечно, чем привычнее они для нас, тем сильнее они стираются от постоянного употребления; в результате от них остается лишь банальная внешняя оболочка и почти лишенная смысла парадоксальность. Таинство Непорочного Зачатия, единосущность Отца и Сына или Троица, не являющаяся тем не менее простой триадой, больше не окрыляют фантазию философов. Они превратились в собственно предметы веры. Отсюда неудивительно, что верующий разум и философские измышления образованных европейцев тяготеют к восточной символике — поистине грандиозным индийским представлениям о божественном и безднам философии китайского даосизма. Точно так же сердце и разум античного человека были захвачены в свое время христианскими идеями. Сейчас немало европейцев, которые настолько поддались влиянию христианской символики, что у них не развился кьеркегоровский невроз, или которые, в силу обеднения символики, трансформировали свое отношение к Богу в отношение «Я — Ты», чтобы затем пасть жертвой магии и новизны

восточных символов. Подобное отречение не обязательно означает поражение; скорее, оно доказывает восприимчивость и жизнеспособность религиозного чувства. Нечто похожее мы наблюдаем у образованных представителей Востока, которых нередко привлекают христианские символы и столь чуждая восточному духу европейская наука. Многие даже демонстрируют их завидное понимание. Тяга к вечным образам абсолютно нормальна, для этого они и существуют. Они должны привлекать, убеждать, очаровывать, подавлять. Они сотканы из изначального откровения и отражают уникальный опыт божественного. Вот почему они наделяют человека предощущением божественного, одновременно оберегая от непосредственного его переживания. Благодаря усилиям, которые предпринимал человеческий дух на протяжении столетий, эти образы, с одной стороны, запечатлены во всеохватывающей системе мышления, стремящейся упорядочить окружающий мир, а с другой — представлены могущественным, обширным, авторитетным институтом под названием Церковь.

- ¹² Лучшее всего я могу проиллюстрировать вышесказанное на примере недавно канонизированного швейцарского мистика и отшель-

ника, брата Николая из Флюэ¹. Вероятно, его важнейшим переживанием было так называемое видение Святой Троицы, которое он изобразил — или попросил изобразить — на стене своей кельи. Рисунок (его до сих пор можно увидеть в приходской церкви Заксельна) представляет собой разделенную на шесть частей мандалу, в центре которой находится коронованный лик Божий. Сегодня известно, что брат Николай исследовал природу своего видения с помощью иллюстрированной брошюры какого-то немецкого мистика. Много лет он занимался тем, что старался придать своим переживаниям более или менее понятную форму. Я называю это «проработкой» символа. Размышления брата Николая о сущности видения, выраженное влияние на которые оказали мистические диаграммы, использованные им в качестве отправной точки, привели его к выводу, что он, должно быть, узрел саму Святую Троицу — *summit bonum*, вечную любовь. Такое истолкование подтверждает и «подчищенное» изображение, которое поныне можно увидеть в Заксельне.

- ¹³ Первоначальный опыт, однако, носил абсолютно иной характер. То, что увидел брат Николай, оказалось настолько ужасным, что его

¹ См. мой очерк «Brother Klaus».

собственное лицо изменилось, причем столь сильно, что люди стали его бояться. Увиденное им обладало невероятной интенсивностью. Вельфлин¹ — старейший источник, которым мы располагаем на сегодняшний день, — пишет:

Все приходившие к нему с первого взгляда преисполнялись жуткого страха. Сам он объяснял это тем, что видел пронизывающий свет, напоминающий человеческое лицо. Видение было столь устрашающим, что он боялся, как бы его сердце не разорвалось на части. Охваченный ужасом, он тут же отвернулся и упал. Вот почему отныне его собственное лицо стало страшно для других.

- ¹⁴ Это видение по праву сравнивали² с апокалипсическим образом Христа, описанным в Откровении Иоанна Богослова (1:13). По своей отвратительности и необычности его превосходит лишь чудовищный семиглазый агнец с семью рогами (там же, 5:6). Крайне трудно увидеть связь этой фигуры с евангельским Христом. По этой причине ранние источники толковали видение брата Николая строго определенным образом. В 1508 году гу-

¹ Генрих Вельфлин, также известный как Lupulus, родился в 1470 г. Гуманист, преподаватель латыни в Берне. Цит. по: Fritz Blanke, *Bruder Klaus von Flüe*, стр. 92 и далее.

² Там же, стр. 94.

манист Карл Бовиллус (Шарль де Бовель) писал своему другу:

Я хотел бы рассказать тебе о лике, который привиделся ему на небе в звездную ночь, когда он предавался молитве и созерцанию. Он увидел голову человека с ужасным лицом, полным гнева и угрозы¹.

- ¹⁵ Это истолкование вполне соответствует современному развернутому описанию на основе Откровения Иоанна Богослова 1:13². Также не следует забывать и о других видениях брата Николая, например Христа в медвежьей шкуре; Бога Отца, Бога Сына и Богородицы (в данном случае в образе Сына был сам брат Николай) и т.п. Им всем присущи черты, крайне далекие от догматов христианства.

- ¹⁶ С вышеописанным видением традиционно связывали изображение Святой Троицы в зак-

¹ *Ein gesichte Bruder Clausen ynn Schweytz und seine deutunge* (Wittemberg, 1528), стр. 5. Цит. по: Alban Stoeckli, О. М. Сар., *Die Visionen des seligen Bruder Klaus*, стр. 34.

² Б. Лаво (Lavaud, *Vie Profonde de Nicolas de Flue*) проводит аналогичную параллель с текстом из *Horologium sapientiae* Генриха Сузо, в котором апокалипсический Христос предстает в виде разгневанного мстителя, что резко контрастирует с Христом, читающим Нагорную проповедь. [См.: Сузо Г. *Книжица вечной премудрости*. — *Примеч. пер.*]

последнее, тем отчетливее становятся мифологические черты, которые приобретает архетип. Переход от матери к бабушке означает, что архетип поднимается на более высокий уровень. Особенно ярко это проявляется в представлениях батаков. Так, погребальное жертвоприношение в честь умершего отца достаточно скромно и состоит из обычной еды. Но если у сына есть собственный сын, тогда отец становится дедом, а значит, достигает более почетного ранга в потустороннем мире, тем самым требуя более существенных подношений¹.

189 По мере расхождения сознания и бессознательного, более высокий ранг бабушки превращает ее в «Великую Мать», и противоположности, которые содержатся в этом образе, часто распадаются. Тогда мы получаем добрую и злую фею или милостивую богиню и богиню злобную и опасную. В западной античности и особенно в восточных культурах противоположности нередко остаются объединенными в одной фигуре, хотя этот парадокс вовсе не тревожит первобытный ум. Легенды о богах так же полны противоречий, как и их моральный облик. На Западе парадоксальное поведение и нравственная амбивалентность богов

¹ Warnecke, *Die Religion der Batak*.

стали камнем преткновения уже в древности и породили критику, которая в конечном счете привела к девальвации обитателей Олимпа, с одной стороны, и их философской интерпретации, с другой. Наиболее ярким проявлением этого, пожалуй, является христианская реформация иудейского понятия бога: нравственно амбивалентный Яхве стал исключительно хорошим Богом, тогда как все зло было объединено в дьяволе. Складывается впечатление, что развитие функций чувствования в западном человеке заставило его сделать выбор, который привел к нравственному расщеплению божественного на две половины. На Востоке преимущественно интуитивная интеллектуальная установка не оставляла места для чувственных ценностей, и боги, в частности Кали, смогли сохранить свой изначально парадоксальный нравственный облик. Таким образом, Кали — представитель Востока, а Мадонна — Запада. Последняя окончательно утратила тень, которая, хоть и на расстоянии, по-прежнему следовала за ней в аллегориях Средневековья. Она была перенесена в ад, где сейчас влачит ничтожное существование в качестве чертовой бабушки¹. Благодаря развитию чувственных ценностей, величие «светлого» бога было уси-

¹ [Распространенная фигура речи в немецком языке. — *Примеч. ред.*]

лено сверх меры, в то время как тьма, олицетворяемая дьяволом, локализовалась в человеке. Этому странному сдвигу главным образом способствовало то, что христианство, напуганное манихейским дуализмом, из всех сил стремилось сохранить свой монотеизм. Поскольку отрицать реальность тьмы и зла было невозможно, не оставалось других альтернатив, кроме как взвалить ответственность за них на человека. Даже дьявол был в значительной мере, если не полностью, упразднен; в итоге эта метафизическая фигура, ранее составлявшая неотъемлемую часть бога, оказалась интроецирована в человека, который с тех пор стал подлинным носителем *mysterium iniquitatis*: «omne bonum a Deo, omne malum ab homine». В последнее время такое представление претерпело поистине дьявольские изменения; сегодня волк в овечьей шкуре нашептывает на ухо каждому, что зло на самом деле является не чем иным, как неправильно понятым добром и эффективным инструментом прогресса. Мы полагаем, что мир тьмы таким образом был уничтожен навсегда. Никто не понимает, какой это яд для человеческой души. Тем самым человек превращается в дьявола, ибо дьявол — это половина архетипа, чья непреодолимая власть заставляет даже неверующих восклицать «О Господи!» по каждому подхо-

дящему и неподходящему случаю. По возможности человеку всегда следует избегать идентификации с архетипом, ибо, как свидетельствуют психопатология и некоторые современные события, последствия будут ужасны.

190

Западный человек духовно опустился на столь низкий уровень, что вынужден отрицать, так сказать, апофеоз неукротенной и неукротимой психической силы — божественность как таковую, — с тем чтобы, заглотнув зло, одолеть еще и добро. Если вы внимательно и вдумчиво (в психологическом плане) прочтете «Заратустру» Ницше, вы увидите, что он с редкой последовательностью и страстью подлинно верующего изобразил психологию «сверхчеловека», для которого Бог мертв и который сам разорван на части, ибо пытался заключить божественный парадокс в узкие рамки смертного. Гёте мудро сказал: «Какой же ужас должен охватить сверхчеловека!» — и в ответ получил лишь надменную улыбку филистеров. Его прославление Матери, которая столь велика, что может вместить в себя и Царицу Небесную, и Марию Египетскую, представляет собой высшую мудрость и является в высшей степени значимым для любого, кто размышляет о ней. Но чего можно ждать

в век, когда официальные представители христианства открыто заявляют о своей неспособности постичь основы религиозного опыта! Следующее я извлек из статьи одного протестантского богослова: «Мы понимаем себя — будь то натуралистически или идеалистически — как *однородных существ, которые не настолько разделены, чтобы чуждые силы могли вмешаться в нашу внутреннюю жизнь*, как это предполагает Новый Завет» (курсив мой)¹. Автору очевидно неизвестно, что наука уже более чем полвека тому назад продемонстрировала неустойчивость и способность к диссоциации человеческого сознания и доказала это экспериментально. Наши сознательные намерения постоянно нарушают и сводят на нет в большей или меньшей степени бессознательные вторжения, причины которых поначалу кажутся странными. Психика отнюдь не является однородным целым — напротив, она представляет собой кипящий котел противоречивых импульсов, сдерживающих факторов, аффектов; для многих людей конфликты между ними столь невыносимы, что они мечтают о спасении, проповедуемом богословами. Спасении от чего? Очевидно, от в высшей степени сомнительного психического состояния. Един-

¹ Buri, «Theologie und Philosophie», стр. 117. [Цит. по: Rudolf Bultmann. — *Примеч. ред.*]

ство сознания или так называемой личности отнюдь не реальность, а лишь желаемое. Я до сих пор помню некоего философа, который бредил этим единством и консультировался со мной по поводу своего невроза: у него была навязчивая идея, будто он болен раком. Я не знаю, скольких специалистов он повидал и сколько рентгеновских снимков сделал. Все они уверяли, что у него нет рака. Он сам однажды сказал мне: «Я знаю, что у меня нет рака, но он мог бы у меня быть». Кто ответственен за эту «воображаемую» идею? Конечно же, не он сам ее создал; эту мысль ему навязала «чуждая» сила. Между этим состоянием и состоянием человека Нового Завета небогатый выбор. Верите ли вы в демона воздуха или в фактор бессознательного, который играет с вами дьявольские шутки, мне все равно. И в том и в другом случае факт остается фактом: воображаемое единство человека находится под угрозой чуждых сил. Теологам следует учесть эти психологические факты, вместо того чтобы продолжать «демифологизировать» их с помощью рационалистических объяснений, которые устарели еще сто лет назад.

* * *

191 Выше я попытался дать краткий обзор психических явлений, которые можно объяснить

доминированием образа матери. Хотя я не во всех случаях заострял на них внимание, мой читатель, вероятно, без труда узнает черты, характеризующие Великую Мать мифологически, причем даже тогда, когда они скрываются под видом персоналистической психологии. Когда мы просим пациентов, находящихся под сильным влиянием образа матери, выразить словами или нарисовать, что для них означает «мать», — будь то в позитивном или негативном ключе, — мы неизменно получаем символические фигуры, которые необходимо рассматривать как прямые аналогии мифологического образа матери. Эти аналогии ведут нас в область, которая по-прежнему требует самого пристального изучения. Во всяком случае, лично я едва ли могу высказать о ней что-либо определенное. Если я все же рискну предложить некоторые суждения по этому поводу, то их следует рассматривать как сугубо условные и предварительные.

192 Прежде всего я хотел бы отметить, что образ матери в мужской психологии по своему характеру кардинально отличается от такового в женской психологии. Для женщины мать олицетворяет ее собственную сознательную жизнь, обусловленную ее полом. Для мужчины мать олицетворяет нечто чуждое, нечто, что

ему еще только предстоит испытать и что наполнено образами, дремлющими в бессознательном. По этой причине (хотя, возможно, существуют и другие) образ матери у мужчины существенно отличается от образа матери у женщины. Для мужчины мать с самого начала несет явный символический смысл, чем, вероятно, и объясняется его выраженная склонность к ее идеализации. Идеализация — это скрытый апотропаизм; человек идеализирует тогда, когда есть тайный страх быть изгнанным. В действительности же он боится бессознательного и его магического влияния¹.

193 В то время как для мужчины мать имеет *ipso facto* символическое значение, для женщины она становится символом только в ходе ее психологического развития. Как ни удивительно, опыт показывает, что в мужской психологии доминирует образ матери, подобной Урании, тогда как у женщины чаще всего встречается хтонический тип (или Мать-Земля). В течение манифестной фазы архетипа происходит почти полная идентификация. В отличие от мужчины (за исключением психотических случаев),

¹ Очевидно, дочь также может идеализировать свою мать, но для этого требуются особые обстоятельства, в то время как для мужчины идеализация — почти нормальное явление.

женщина может идентифицировать себя непосредственно с Матерью-Землей. Как показывает мифология, одна из особенностей Великой Матери заключается в том, что она часто появляется в паре со своим аналогом мужского пола. Соответственно, мужчина идентифицирует себя с сыном-любовником, облагодетельствованным Софией, с *puer aeternus* или *filius sapientiae*. Однако спутником хтонической матери является прямо противоположное: итифаллический Гермес (египетский Бэс) или лингам. В Индии этот символ наделен высшим духовным значением, впрочем, как и Гермес на Западе — одна из наиболее противоречивых фигур в эллиническом синкретизме, ставшая источником важнейших духовных процессов в западной цивилизации. Он также бог откровения, а в неофициальной натурфилософии раннего Средневековья — не что иное, как сам Нус, творец мира. Вероятно, наиболее точно эта тайна выражена в *Tabula smaragdina*: «omne superius sicut inferius» (как наверху, так и внизу).

194 Как только мы касаемся этих идентификаций, мы вступаем в царство сизигий, парных противоположностей, где Одно неотделимо от Другого, от своей антитезы. Это та область личных переживаний, которая ведет напрямую

к опыту индивидуации, к обретению самости. Огромное количество символов данного процесса можно найти в западной средневековой литературе, но еще больше — в сокровищнице восточной мудрости, однако в этом вопросе слова и идеи мало что значат. Более того, они представляют опасность, ибо могут увести в сторону. В этой по-прежнему очень туманной области психологического опыта, где мы находимся в непосредственном контакте, так сказать, с архетипом, его психическая сила ощущается в полной мере. Это царство непосредственного опыта, которое не может быть описано никакой формулой; на него можно лишь намекнуть тому, кто уже знает о нем. Такому человеку не нужны объяснения, чтобы понять борьбу противоположностей, выраженную Апулеем в его блистательной молитве Царице Небесной, в которой он связывает «божественную Венеру» с «Прозерпиной, страшной в своем ночном вое»¹: таков был устрашающий парадокс первичного образа матери.

* * *

¹⁹⁵ Когда в 1938 году я написал эту работу, я, естественно, не знал, что двенадцать лет

¹ «Nocturnis ululatus horrenda Proserpina». См.: *Символы трансформации*, абз. 148.

спустя христианская версия архетипа матери будет вознесена до уровня догматической истины. Христианская «Царица Небесная» стряхнула, очевидно, все свои олимпийские качества, кроме яркости, доброты и вечности; даже ее человеческое тело — аспект, наиболее подверженный грубому материальному искажению, — приобрело небесную нетленность. Тем не менее разнообразные аллегории Божией Матери сохранили некоторую связь с ее языческими прообразами в Исиде (Ио) и Семеле. Не только Исида и младенец Гор являются иконологическими образами, но и восхождение на Олимп Семелы, первоначально смертной матери Диониса, предвосхищают Вознесение Девы Марии. В дальнейшем сын Семелы, бог умирающий и возрождающийся, становится самым молодым из олимпийских богов. Сама Семела кажется земной богиней, точно так же как Дева Мария является землей, из которой родился Иисус. Если так, то для психолога естественно возникает вопрос: что произошло с характерной для образа матери связью с землей, тьмой, с той бездной внутри телесного человека, в которой коренятся его животные страсти и инстинктивная природа, а также связью с «материей» вообще? Провозглашение догмы приходится как раз на то время, когда достижения науки и технологии вку-

пе с рационалистическим и материалистическим мировоззрением грозят мгновенным уничтожением духовному и психическому наследию человека. В страхе и гипнотическом ужасе человечество вооружается, дабы однажды совершить чудовишное преступление. Легко могут возникнуть обстоятельства, когда водородную бомбу все же придется использовать, и тогда то, о чем страшно даже подумать, станет неизбежным как оправданная самозащита. Воцарение Божьей Матери в небе выглядит разительным контрастом по сравнению с этим катастрофическим вариантом развития событий; на самом деле ее Вознесение фактически было истолковано как умышленный контрудар по материалистическому доктринерству, который и вызвал бунт хтонических сил. Подобно тому, как появление Христа в свое время породило дьявола и противника Бога из того, кто вначале был Его сыном и обитал на небесах, так сейчас божественная фигура откололась от первоначального хтонического царства и оказалась в контрпозиции по отношению к высвобожденным титаническим силам земли и преисподней. Как Божья Мать лишилась всех существенных качеств материальности, так и материя — души, и это в то время, когда физика вплотную приблизилась к открытиям, которые если не окончательно

«дематериализируют» материю, то по крайней мере наделят ее собственными качествами и поднимут вопрос о ее связи с психикой. Подобно тому, как колоссальный прогресс науки привел вначале к преждевременному низложению разума и к равно опрометчивому обожествлению материи, тяга к научным знаниям позволит построить мост над огромной пропастью, разделяющей два *Weltanschauungen*. Психолог склонен видеть в догмате Вознесения символ, который, в некотором смысле, предвосхищает этот процесс. Для него связь с землей и материей является одним из неотъемлемых качеств архетипа матери. Когда обусловленный этим архетипом образ представляется вознесенным на небо, в царство духа, то это свидетельствует о союзе неба и земли, материи и духа. Естественные науки почти наверняка подойдут к этому с другой стороны: в самой материи они увидят эквивалент духа, но этот «дух» будет лишен всех (или по крайней мере большинства) своих качеств, подобно тому как земная материя была лишена своих специфических черт перед восхождением на небо. Тем не менее путь для союза двух принципов будет постепенно расчищен.

¹⁹⁶ Вознесение является абсолютной противоположностью материализма. В этом конкрет-

ном смысле оно представляет собой контр-удар, который не только не ослабляет напряжения между противоположностями, но и доводит его до крайности.

197

В символическом смысле, однако, Вознесение тела означает осознание и признание материи, отождествляемой со злом лишь в силу преимущественно «пневматической» тенденции в человеке. Сами по себе дух и материя нейтральны или, скорее, «*utriusque sарах*» — то есть способны к тому, что человек называет добром и злом. Хотя как названия они в высшей степени относительны, в их основе лежат абсолютно реальные противоположности, которые являются частью энергической структуры физического и психического миров и без которых невозможно никакое существование. Нет утверждения без отрицания. Вопреки или, наоборот, из-за крайней степени их противостояния друг другу ни одно не может без другого. Именно это сформулировано в классической китайской философии: *янь* (светлое, теплое, сухое, мужской принцип) содержит в себе семя *инь* (темное, холодное, сырое, женский принцип), и наоборот. Следовательно, в материи содержится семя духа, а в духе — семя материи. Давно известные явления «синхронии», которые теперь получили статисти-

ческое подтверждение благодаря экспериментам Райна¹, указывают, судя по всему, в этом направлении. «Психизация» материи ставит под вопрос абсолютную нематериальность духа, ибо предполагает некую субстанциональность. Догмат о Вознесении, провозглашенный в эпоху, отмеченную величайшей в истории политической ересью, представляет собой компенсаторный симптом, который отражает стремление науки к единообразной картине мира. В определенном смысле оба этих процесса предвосхитила алхимия в *hieros gamos* противоположностей, но только в символической форме. Тем не менее этот символ способен объединить гетерогенные или даже несоизмеримые факторы в *единый* образ. С упадком алхимии символическое единство духа и материи распалось, в результате чего современный человек утратил свои корни и оказался в чуждом ему мире, лишенном души.

198 Алхимик видел союз противоположностей в символе дерева. Отсюда неудивительно, что бессознательное современного человека, который больше не чувствует себя в мире как дома и не может основывать свое существование ни на прошлом, которое уже было, ни на

¹ См. мою работу «Синхрония: акаузальный объединяющий принцип».

будущем, которому только предстоит быть, должно вернуться к исходному символу космического древа, укорененного в этом мире и тянущегося ввысь, — древа, которое и есть сам человек. В истории символов это древо описывается как жизненный путь, вращение в то, чтоечно и неизменно; то, что возникает из союза противоположностей и своим вечным присутствием делает этот союз возможным. Складывается впечатление, что только через переживание символической действительности человек, тщетно ищущий собственное «существование» и превращающий его в философию, может найти обратный путь в мир, в котором он не будет чужим.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Архетипы коллективного бессознательного . . .	3
II. Концепция коллективного бессознательного .	83
1. <i>Определение.</i>	85
2. <i>Психологическое значение</i> <i>коллективного бессознательного</i>	87
3. <i>Метод доказательства</i>	98
4. <i>Пример.</i>	101
III. Об архетипах с особым вниманием к понятию анимы	109
IV. Психологические аспекты архетипа матери	149
1. <i>О понятии архетипа</i>	151
2. <i>Архетип матери</i>	162
3. <i>Материнский комплекс</i>	168
А. <i>Материнский комплекс у сына</i>	169

В. Материнский комплекс у дочери . . .	173
<i>a. Гипертрофия материнского</i>	
<i>элемента</i>	173
<i>b. Чрезмерное развитие Эроса</i>	175
<i>c. Идентификация с матерью</i>	177
<i>d. Сопротивление матери</i>	179
С. Положительные аспекты	
материнского комплекса	182
<i>a. Мать</i>	182
<i>b. Чрезмерное развитие Эроса</i>	187
<i>c. «Только» дочь</i>	191
D. Негативный материнский	
комплекс	194
4. Заключение	197